

«Парсифаль». Сцена из спектакля

Парсифаль — Р. Деккер (в центре)

«Парсифаль» в Таллине: Победа за явным преимуществом музыки

Автор: Галина Соловьёва

Фото: любезно предоставлены пресс-службой Эстонской национальной оперы...

Что делать в Таллине августовским вечером? – Конечно, слушать Вагнера!

Дежурство в качестве культурной столицы Европы здесь решили ознаменовать необычным спектаклем: «Парсифаль» Рихарда Вагнера за неимением Festspielhaus поставили в литейной Ноблесснера, перенеся нас из сказки братьев Grimm в громадный заброшенный цех судоремонтного завода со сводчатым бетонным потолком, ржавеющими механизмами и одиноким рабочим на забытом плакате.

Вместо прописанных Вагнером лесных куц на сцене громоздятся трубы. Кажется, дело труба. К тому же

прошлом году в возрасте за сорок принятый в Финскую национальную оперу. Удивительно глубокий и проникновенный голос сулит певцу яркую карьеру.

Во втором акте прекрасные девы-цветы обернулись пролетарками-стриптизершами. Резво скинув рабочие халатики, комбинезоны и косынки, они сплотились вокруг невинного Парсифаля (пленительный хоровой эпизод), но им пришлось уступить напору бандерши Кундри, сменившей по такому случаю зимнее пальтецо на турецкие блёстки. Третий акт прошёл то ли на постапокалиптических задворках, то ли просто на помойке. Гурнеманц, зябко кутаясь в обноски, копаюсь в теплице с последними зелёными расте-

остонным потопком, ржакающими механизмами и одиноким рабочим на забытом плакате.

Вместо прописанных Вагнером лесных куц на сцене громоздятся трубы. Кажется, дело труба. К тому же в программке главным спонсором значится компания Нордстрим (газопровод Северный поток). Труба как символ современного Грааля явно очаровала режиссёра-постановщика Николь Рааб, и добротный вагнеровский хронотоп (чарующие сады Клингзора в окружении леса и замка Грааля) сменился трубно-апокалиптической концепцией, аккуратно вышитой по канве современной эстонской истории.

Сценографическое решение Роберта Иннеса Хопкинса отличалось минималистской скупостью: рассечённые вентиляционные трубы и натуральный лебедь, пронзенный стрелой Парсифаля, знаменовали разлад в современном мироустройстве. Все прочее включая чашу Грааля и белую голубку в финале восполнил свет (аплодисменты опытнейшему Дэвиду Каннингему!). Рыцари Грааля предстали вышедшими из подполья эстонскими полицаями в прожжённых шинелках вперемешку с новыми буржуинами в добротных драповых пальто, а волшебник Клингзор оказался суетливым продюсером с мефистофельской жилкой. Их предводитель Гурнеманц – бас Манфред Хемм – долго и вяло что-то рассказывал (видимо, о сложностях согласования проекта века). В сцене причастия рыцари печально прошествовали на авансцену: у каждого под белым платом оказался кусок трубы. Под торжественное «Den sündigen Welten» («Мир грешный спасая») они попытались выложить газовую артерию, однако одного куска явно не хватало, что вероятно символизировало тщету русских усилий напитать Европу нефтью и газом. Магическое измерение действию вернуло вступление Титуреля, одетого ночным сторожем – Койт Соасепп, бас из сельской глубинки, в

бандерши Кундри, сменивший на таком же уровне свое пальтецо на турецкие блёстки. Третий акт прошёл то ли на постапокалиптических задворках, то ли просто на помойке. Гурнеманц, зябко кутаясь в обноски, копался в теплице с последними зелёными растениями, рядом помирала бомжиха Кундри. А зритель так и остался в недоумении, каким образом крестные муки Амфортаса (поддерживающего пивной живот) и обильная христианская символика сочетаются с идеей строительства газопровода.

Внутреннее наполнение спектакля было куда более адекватно вагнеровскому замыслу. Солисты-варяги отработали качественно: Ричард Деккер – Парсифаль с его мощным тенором, выступавший на крупнейших оперных сценах мира, и истинно вагнеровское сопрано Ирмагард Вилсмайер из Баварской оперы – Кундри, среди индустриальных руин чувствовали себя столь же комфортно, как в Байройте или Зальцбурге. В сложнейшей дуэтной сцене второго акта певцы создали завораживающе прекрасное действо, где любовный восторг был подтекстован фрейдистским мучительным томлением.

Опорой грандиозной мистерии стали оркестр и хор. Арво Вольмер, музыкальный руководитель постановки, с его предельно сдержанной, но на редкость эффективной манерой дирижирования, обеспечил красочное свечение вагнеровской оркестровой фактуры и великолепную слаженность и нюансировку всех звуковых элементов. Хоры были просто великолепны. Традиционная для эстонских коллективов тщательная выделка была усилена антифонными перекличками (детский хор и отдельные группы размещались на верхней галерее), что создало ощущение торжественного песнопения в храме. Восторженная овация публики подтвердила, что Вагнер одержал победу за явным преимуществом.